

А.Е.Снесарев, тесно связанный по службе и быту с Ошом на рубеже XIX и XX веков заботами об устройстве южной границы Российской империи, встретил Первую мировую на Юго-Западном фронте в должности начальника штаба 2-й казачьей Сводной дивизии. Его письма с фронта родным и близким, прежде всего, жене, остались и образчиками эпистолярного жанра своей эпохи и источником множества исторических сведений, зачастую уникальным, и страницами русской прозы, поскольку Андрей Евгеньевич был не только выдающимся востоковедом, отважным воителем, но и опытным литератором, чей стиль и сегодня завораживает.

Урок истории

геополитический кругозор. Однако фактический обзор нередко ограничен тем, что видишь через бруствер окопа. При атаках разведчикам дан приказ захватывать, наряду с документами, германские и австрийские газеты, свои российские в окопы запаздывают на много дней.

Между тем, и за линиями фронта происходит множество знаковых событий. Сдается русским неприступный Перемышль, взяты огромные трофеи. Во Львов, ставший на время российским, приезжает царь, вынужденный здесь выслушивать нравоучения недовольного этим его приездом председателя Госдумы Михаила Владимировича Родзянко: "Земля, на которую вступил русский монарх, не может быть дешево отдана обратно: на ней будут протилы потоки крови, а удержаться на ней мы не можем..."

Последующие события достаточно

евича особым романтическим флером. И если не сходятся горы с горами, то прежние знакомцы встречаются, и всколыхивается целая гамма отнюдь не забытых чувств. Вот, к примеру, из письма жене Евгении Васильевне 27 мая: "Вчера был в соседнем полку и встретился с подполковником Михаилом Даниловичем Неминушим. Он долго был в Андижане адъютантом в батальоне и, конечно, всех и все знает... всех по имени, отчеству и полным деталям... И я, моя золотая, драгоценная детка, перенесся в золотую юность нашего брака, и что-то теплое и ласковое охватило мою душу".

Упоминаемая в этом же письме Муля, знакомая и Снесарева, и Неминущего,

1915-й

КОММЕНТАРИЙ К ПИСЬМАМ С ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ОФИЦЕРА-ТУРКЕСТАНЦА АНДРЕЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА СНЕСАРЕВА.

это жена офицера-туркестанца Александра Николаевича Ковалевского - Людмила Николаевна (урожденная Лейсек). В Ташкенте она была постоянной партнершей А.Е.Снесарева по музыкальному обществу "Лири". Андрей Евгеньевич, напомним, в молодости увлекался вокалом, брал уроки пения и даже... пел в опере, в Москве, в Большом театре!

А вот еще один "музыкальный аккорд" - в письме от 22 июня: "Вероятно, ты читала о прапорщике Бырка, бросившемся с двумя взводами на целую орду австрийцев и забравшем пулемет, трех офице-

известны, в том числе и по "Крушению империи" М.В.Родзянко: "Мы очистили Перемышль, Львов, выдержали ожесточеннейшие атаки на линии Люблин-Холм, прикрывая войска, находившиеся под Варшавой и спасаясь от тех железных клещей, которыми нас грозили захватить немцы". Но это события уже следующего, 1916-го.

Главная же дворцовая интрига 1915-го - устранение царем от верховного командования своего дяди Николая

СТОЛЕТИЕ СОБЫТИЙ придает этому "роману в письмах" дополнительный интерес: "Так наши деды воевали..."

Сразу сталкиваешься и со сложностями усвоения этого не вполне обычного житейского, в то же время мемуарного материала.

Первоначально письма предназначаются конкретным адресатам. Фактами истории и литературы они стали благодаря сохранившим их потомкам А.Е. Снесарева, увидевшим в них часть национального интеллектуального наследия. Теперь это издано, мы имеем целый снесаревский том "Письма с фронта. 1914-1917" (Москва, "Кучково поле", 2012).

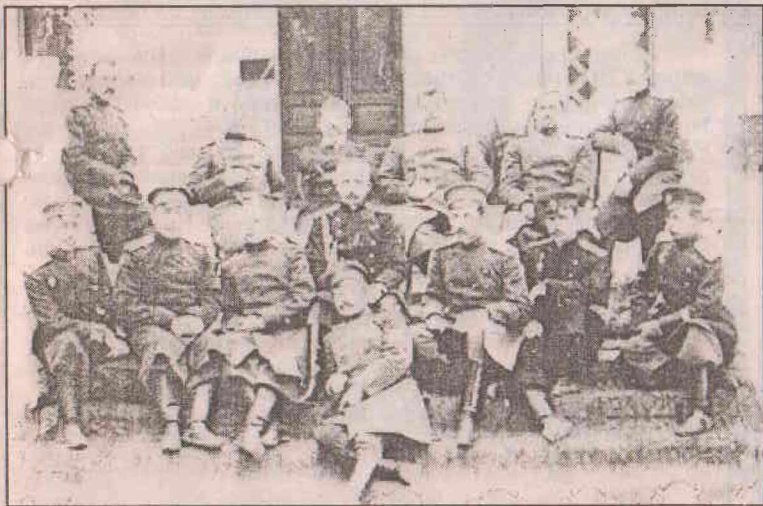
Обширным комментарием к нему могут служить воспоминания другого

участника тех же событий - Михаила

Снесарева... с этой точки зрения наши потери

составили 215 нижних чинов. Это мой компо-

участника тех же событий - Михаила Владимировича Родзянко. Про Андрея Евгеньевича его современный биограф заметит: "Служба в военном режиме для 2-й казачьей Сводной дивизии, включая ее начальника штаба, полковника А.Е.Снесарева, началась раньше официального объявления 1 августа Германией войны России. Уже в июле дивизия начала встречное выдвижение к границе, на которую устремились войска Австро-Венгрии. С этого времени седло и окоп стали для Сне-

сарева основным рабочим местом его пребывания в течение целых трех лет". Однако все ли разглядишь... с высоты седла и из глубины окопа?

У председателя Государственной думы М.В.Родзянко обзор обширней. Его "Крушение империи" - далеко не рядовой образчик белоэмигрантской литературы.

Среди современников А.Е. Снесарева и М.В.Родзянко был, скажем, и посол Франции в России Морис Палеолог, оставивший нам такую сентенцию: "По культурному развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия - одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной, бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в на-

уке... с этой точки зрения наши потери будут значительно русские потери". Столь предвзято отзывался дипломат о союзнике...

Среди свидетельств А.Е.Снесарева и М.В.Родзянко о Первой мировой войне нас в этот раз будут интересовать относящиеся к 1915 году. Фронтовые письма Андрея Евгеньевича содержат множество мелких подробностей окопного быта, боевых столкновений. Он - завзятый лошадиник и, хотя для личных нужд у него всего пара-тройка лошадей, его супруге Евгении Васильевне (в девичестве - Зайцевой) сообщается масса сведений еще и об этих четвероногих сослуживцах мужа.

Пересылаются рисунки, наброски временных помешений, в которых обитает в эту пору Андрей Евгеньевич, вплоть до блиндажей, еще и м е н у е м ы х "убежищами". И вдруг, в ответ

на вопрос жены в одном из писем определить свои повседневные занятия, пишет: "Это обработка, знание и группировка всех материалов, ведущих через решение начальника к победе". И это не единственное письмо близким - еще и повод что-то крепко зацепить, сформулировать и с перспективой на будущее. Война-то не вечна. Многого будет после нее: и книги, и лекции, даже начальствование в Академии Генерального штаба Красной армии, и рейтинг основоположника советской геополитики. Ведутся и дневниковые записи. Ценится и возможность отправить заметки в тыл, где много больше шансов строкам уцелеть.

Время молодости, службы в Туркестанском военном округе, на пограничном Памирском посту, дни в Ташкенте, в Оше, вспоминаемые во фронтовой обстановке, подернуты для Андрея Евгень-

ров и 215 нижних чинов. Это мой композитор. по профессии (со 2-го курса консерватории попал на войну), веселый малый с розовыми щеками... Как это вышло, что он с 2 взводами бросился, по крайней мере, на батальон противника; он мне ответил конфузливо, пожимая плечами: "Я и сам не знаю, госп. полковник, что-то толкнуло под бок, налетело композиторское вдохновение". И вдруг, среди описаний огневых налетов и первых, еще не слишком страшных и достаточно редких бомбежек, иная тема: "Дорогая моя женьушка! Сначала о деле. Купи (так как у нас, кажется, нет...) мои "Индия как главный фактор..." и "Созидание границы" и вышли на имя Георгия Степановича Бревнова (подп.) в 133-й полк. Я все хотел ознакомиться офицеров со своими трудами, да все как-то забывал. Думал и о других книгах, да те все скучны и специальные, а на войне такие не читаются".

Письма А.Е.Снесарева жене Евгении Васильевне от 20 и 23 декабря можно отнести к лучшим страницам лирической прозы. На втором из них пометка адресата - "личное". А вот из первого: "Вспомнил я наше с тобой музицирование: папа с мамой сидели в столовой, а мы разбирали, а потом исполняли какой-то романс (...такой славный и широкий). Ты старалась всю (тебе было 15-16 лет), а я был проникнут каким-то особенным настроением". Это впечатления почти сорокалетнего в ту пору офицера Генерального штаба от знакомства с дочерью начальника военной администрации Оша, полковника Василия Николаевича Зайцева...

1915-й закончится относительно благополучно для Андрея Евгеньевича Снесарева, его жены и троих детей. Испытания, которые готовит им жизнь, еще впереди. Крестный отец их сыновей-близнецов генерал Лавр Георгиевич Корнилов, сослуживец Андрея Евгеньевича по Туркестанскому военному округу, побирает в австрийском плену, но в том же году совершит дерзкий побег из плена.

Сам А.Е.Снесарев в конце года получит-таки генеральский чин, продолжит карьеру. За личную храбрость он представлен к Георгиевской награде. Его письма с фронта свидетельствуют о том, что в месяцы боев у него сохраняется и четкое восприятие обстановки, и весь его

ного командования своего дяди Николая Николаевича и принятие такого командования на себя. Великому князю вручается наградная золоченая сабля "За завоевание Червонной Руси" (вспомним здесь, что исторически, кроме Руси Великой, Малой и Белой, была еще и Красная, т.е. Галицкая). Но дядей царь недоволен, при нем российская армия оказалась во внешнем управлении, антантовских штабов Парижа и Лондона, этому кладется конец.

Царь отбывает на фронт! Оставляя петроградские дела на усмотрение царицы и... Григория Распутина, полуграмотного временщика с темным прошлым и замашками гипнотизера. В бытность еще великого князя главкомом Григорий обнаружил намерение побывать в его ставке, но получил шутильную на вид предупредительную телеграмму: "Приезжай - повешу..."

На фронте героическому сопутствует трагическое. 31 декабря в письме А.Е. Снесарев делится с женой и такими впечатлениями: "Накануне Рождества Хр. (имеется ввиду Рождество по "новому" стилю, в России еще не введенному - В.М.) в 134-м полку расстрелян нижний чин, пытавшийся бежать к противнику... Это был первый случай у нас в дивизии, и мне страшно было интересно проследить его во всех его подробностях..."

Батюшка о. Лев, причащавший чин перед казнью, а затем его похоронивший, рассказал мне все подробно 1-2 часа спустя..."

Случай потрясает! Трудно представить, что буквально через год дезертирство из армии станет массовым. Как такое могло случиться? В 1916-м российская армия оформится в грозную силу, спаянную дисциплиной, оцетинившуюся орудиями, пулеметами, броневиками. С теряющей в новых условиях значение, но все еще эффективной в рейдах и атаках кавалерией. Удастся преодолеть хронический снарядный голод, обувь солдат в сапоги...

Сохранившиеся, пусть не полностью, письма и дневники русского офицера А.Е.Снесарева остаются важным, а по многим фактам и уникальным свидетельством той смутной и героической поры русской истории.

Владимир МЯКИННИКОВ.